

Буряковская

НАВЕРНО ТАК ОНО И БЫЛО

Мы давно любили друг друга. Так давно, что уже, пожалуй, и не любили. То есть любили по привычке. Или любили привычку. А может и ее уже не любили, а только привыкли думать, будто любим. А может и привычки давно уже не было. Может вообще уже ничего не было. Так оно и было. Ничего не было. Лениво убирая со стола, я инсценировала любовь к порядку. Ибо — "порядок" — это удовольствие разума...", а так как я почитала себя разумным существом, мне показалось, что дамская фотография, выпавшая из записной книжки моего возлюбленного, была явным беспорядком в наших отношениях. Решив несколько встряхнуть наше существование, или встряхнуть свое существование, или его существование, или просто ничего не встряхнуть, а придать некоторую соль, пикантность, или, может, совсем и не это, а еще что-нибудь, я положила фотографию на место, дожидаясь его прихода, чтобы узнать, что он думает по этому поводу. Он ничего не думал по этому поводу. Привычно вздернув брови, он спросил, что я имею в виду. Даму, имею в виду даму! Большую даму с глянцевым блеском. Даму, предназначенную для официальных документов. Он опять вздернул брови и почему-то пошел за шкафом. И вынес мне оттуда даму. Ту же, но другого формата и в другом наряде. Не та, — резко заметила. Та — другая. Он помыслил немножко и опять пошел за шкафом. И опять вынес мне даму. Ту же, но не ту. Он опять пошел за шкафом... Он опять пошел за шкафом..... Он опять пошел за шкафом..... Он опять пошел за шкафом..... За шкафом..... За шкафом..... За шкафом..... А я сидела и думала, что моя маленькая соль приобретает черты драмы. В моем доме хранились фотографии чужой дамы, для меня чужой, для него, возможно, или невозможно, или просто очень холодно было, или еще

что-нибудь. И вообще это не мое дело. Именно потому, что не мое, именно поэтому — мое. А он держал их, и пыли было много, потому что окна открыты и пыль садится, и чем больше вещей, тем хуже. Он вернулся из-за шкафа с очередной дамой. С той же, но не с той. Не эта, та из записной книжки. Он опять вяло поплелся за шкаф. И вынес оттуда записную книжку. Не ту книжку, а другую. Книжку для записей адресов, Скорчив недовольную гримасу, он поковырялся в ней и вытащил оттуда даму. Не ту даму. Мне нужна была дама под номером двадцать пять. Это мое число, потому что в сумме дает семерку. А для меня семерка — счастливое предзнаменование. Оно значит, что все в порядке, что все — своим чередом. Значит, эта дама, которую я видела, должна быть только двадцать пятой. Я взбесилась. Держать в доме двадцать пять фотографий одной дамы — это уже нездоровье. Это значит, что с двадцати пяти фотографий можно собрать двадцать пять граммов пыли, при условии, конечно, что их не вытирали двадцать пять лет. Это было противно, это было грязно. Я разозлилась и еще пуще обиделась. С непреклонным видом потребовала фотографию за номером двадцать пять. Он полез в карман и усиленно зашевелил губами, очевидно, пытаясь отсчитать нужную, затем вытащил. Фотография была одиннадцатая. Я это почувствовала. Я это почувствовала потому, что ничего не почувствовала. Только одиннадцатый номер так на меня действовал, Двадцать пятую, — рявкнула я неженским голосом, или я пойду пить кофе одна... без тебя. Он безумно любил кофе, и уже очень давно. Так давно, что уже, пожалуй, и не любил. То есть любил по привычке. Или любил привычку. А может, и ее уже не любил. А может, и привычки давно уже не было. Может, уже вообще ничего

не было. Скорее всего, так оно и было. Ничего не было. А он шевелил губами, копаясь в кармане, и по привычке, или еще почему-то хотел пойти пить кофе, или просто пойти, или еще что-то, или вообще ничего, а просто число тринадцать. Наверное, потому и любил, что слово тринадцать начинается с тройки. А это — знаменательно. Это — треугольник. Он, а я и эта дама по бокам. Чисто, со вкусом, симметрично, восточно. А если еще плоскость треугольника закрасить черным, а его ребра — белым..... Я зажмурилась. А если еще белую точку в середине, совсем малюсенькую.... И это все на белом фактурном картоне..... Нет, ... такую концепцию! Такое искусство!..... Не даром он занимается и любит искусство так давно. Так давно, что, пожалуй, уже и не любит. То есть любит по привычке. Или любит привычку. А может, и ее уже не любит, а только думает, что любит. А может, и привычки давно уже нет. Может, уже вообще ничего нет. Наверное, так оно и есть. Ничего нет.....
